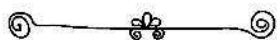

Юлия Кузнецова

Снежинки счастья

Москва 2016

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация *Виктории Тимофеевой*

Кузнецова, Юлия.

К89 Снежинки счастья : [повесть] / Юлия Кузнецова. — Москва : Эксмо, 2016. — 192 с. — (Только для девчонок).

ISBN 978-5-699-74193-9

На вечеринке у одноклассников Марии, чтобы не проиграть в споре, пришлось спеть. От смущения девушка забыла слова, но когда ей начал подпевать симпатичный парень, она поняла — это лучшее, что с ней могло произойти. Вот только красавчик оказался наполовину испанцем и после Нового года вынужден возвращаться домой в далекую страну. Но разве чудес не бывает, особенно если их так ждешь?

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ю. Кузнецова, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-74193-9

ВСТУПЛЕНИЕ

— Бабак!

Я хватаюсь за лоб и отскакиваю. Подбежал охранник, который до этого момента спокойно курил, наблюдая за тем, как я шла прямо на стеклянную дверь торгового центра.

— Слушайте, я думал, вы прикалываетесь, — с недоумением сказал он мне и толкнул стеклянную дверцу. Она провернулась вокруг своей оси и вернулась на место.

Я не двигаюсь: мой взгляд прикован к бейджику охранника, на нем название торгового центра — «Наполеон». Оно будит воспоминания, тревожит память, причиняет боль.

— Не в себе, что ли? — сердится охранник. — Надо было шагнуть, когда она крутилась!

Он снова толкает дверцу и на этот раз, для верности, и меня — в спину. Запихивает

меня в огромный многоуровневый торговый центр, словно монетку в копилку.

— Все нормально? — спрашивает вслед.

Я киваю, не поворачивая головы. Молча. Я не могу говорить. Точнее, я не могу ему объяснить, что я не хотела заходить в «Наполеон». Я не хотела даже приезжать сюда, на другой конец Москвы, да еще и в такой снегопад, когда кажется, что снег решил покончить с новогодними лампочками, фонариками, рекламными растяжками и гирляндами и просто засыпать все, что сверкает и мигает.

Но ноги сами привели меня сюда. Ведь это наше место. Наше с ним.

Ноги делают еще пару шагов, и я опускаюсь на стул кофейни, находящейся прямо у входа. Стараюсь не думать, что мы сидели вдвоем вон там, в углу под пальмой, что я пила латте из бокала на высокой ножке, а он подливал себе в крошечную чашку кофе из френч-пресса.

Так же стараюсь не думать о том, что хотя Новый год кончился, вряд ли раскупили все игрушки, гирлянды, а главное — новогодние костюмы. И тот, жуткий, шуточный, ведьмин, с розовой резиновой мордочкой, с ярко-зелеными тенями и си-

гаретой в желтых зубах, — тоже, наверное, висит там же, где висел до Нового года.

Передо мной возникает официантка. Она улыбается и протягивает меню.

— Когда это началось?

— Простите? — не понимает она.

— Когда это все началось? — спрашиваю я то ли себя, то ли ее, то ли кофе латте, нарисованный на первой же картинке меню. — Вдруг он помнит?

— Вы что-то пытаетесь вспомнить? — догадалась официантка.

Улыбка не сходит с ее лица, словно она — человечек из конструктора «Лего». Я киваю.

— Тогда я принесу вам наш новый кофе! Ореховый капучино. Он поможет вам вспомнить все! Как в том фильме с Колином Фаррелом, смотрели? И не забудьте взять купон на бесплатный второй кофе. Приходите сюда со спутником или подругой — и вы сможете их угостить!

Казалось, что ее губы растянуты так, что шире улыбнуться уже и не выйдет, но она как-то ухитряется это сделать (конструктор «Лего»: теперь улыбки наших человечков еще шире!) и удаляется. Я смотрю ей вслед. «Со спутником», «со спутником» —

бомкает мое сердце в такт этим простым словам.

Я должна вспомнить точку отсчета.

Я зажмуриваюсь и вижу Олино белое лицо. Белое и распухшее. Она начала задыхаться как-то внезапно. Никто не ожидал, что она упадет на пол, схватится за горло, как в каком-то ужастике, а ее щеки станут расти на глазах.

Я кожей чувствовала страх остальных. А он поднялся с пола и крикнул:

— Амбулансия!

Все впились глазами в его широкую спину в белом свитере крупной вязки, и не только я, а все поняли, что он сейчас что-то сделает, чтобы страх, который охватил нас, развеялся.

Нет, не то, не то... Все это началось ведь гораздо раньше...

Передо мной со стуком и каким-то вежливым восклицанием ставят кофе. Пахнет орехами и ванилью, но я не притрагиваюсь к бокалу.

Я тру лоб, пытаясь вспомнить. Интересно, останется шишка от столкновения с дверью?

Вообще удивительно, как я изменилась! Притащилась на другой конец Москвы,

Снежинки счастья

чтобы просто посидеть и подумать. А был бы этот «Наполеон» на Эвересте, я бы и на Эверест взобралась без страховки. Да что там, на Луну бы полетела... Проблема в том, что не нужна я оказалась ни на Луне, ни в далекой стране под названием...

Хватит. Просто надо думать о том, что я изменилась. Я была такая ленивая... Сейчас бы лежала на подоконнике на животе и смотрела бы в окно на то, как кружатся в ритме сумасшедшего танца снежинки...

Стоп!

Снежинки. Вот оно. Вот когда все это началось.

ГЛАВА 1

Снежинки

За окном метет и метет. Подоконники у нас широкие — можно лечь на живот, повернуть голову, прижаться носом к холодному окну и наблюдать за потоком снежинок.

Мне их жаль. Что за жизнь у снежинок? Выскочила из снежной тучи, пролетела минут десять (ну двадцать!), упала на землю и... растаяла. Даже если не сразу растаяла, полежала чуть-чуть на асфальте, все равно... Короткая жизнь у снежинок, что и говорить!

— Дзинь!

Это у Туськи за моей спиной что-то упало — или колба, или стеклянная палочка для перемешивания жидкостей.

— Наталья! — говорю я, изображая низкий сердитый голос моей мамы. — Если ты опять разобьешь у нас в доме свои духи...

— Это не духи, — ворчит Туська, — и вообще, мне она говорила, что гости хвалят приятный запах в вашей гостиной.

— Конечно, — подхватила я, — духи-то ты разбила в маминной спальне! В гостиной, может, и приятно пахнет. Но в спальню папа три дня войти не мог! Все ворчал, что там — парфюмерная фабрика, которую ограбили и по дороге перебили всю продукцию! И вообще, зачем тебе понадобилось смешивать свои духи...

— Это не духи!

— Ладно, масла... Почему именно в спальне моих родителей?

— Потому что во всех остальных комнатах у вас чем-то пахнет! На кухне — едой! У тебя — твоими духами!

— Кстати, они милые.

— Может быть, но они мешают мне! В гостиной пахнет цветами, которые твоей маме на день рождения надарили. Спальня — единственное свободное от запахов место в вашей квартире.

— В нашей квартире, — повторяю я со значением.

Я поворачиваю голову и смотрю на подругу. У Туськи — несчастное выражение лица, но вообще она красавица — две черных толстых косы, огромные синие глаза, стройная, в белом халате, который ей, брюнетке, очень идет. Хотя халат, конечно,

жутковатый — один рукав короче другого, по подолу тянется бахрома, но мне он очень нравится. Еще бы, я сама его сшила Туське на уроке технологии еще в восьмом классе.

Она корчит обиженную рожицу, и я понимаю — в их квартире вообще нет ни одного места, свободного от запахов: в каждом свободном углу Туська поразбивала по одному, если не больше флаконов своих аромасел, а если не поразбивала, то просто что-нибудь ими обмазала — или торшер, или подлокотник кресла, или полотенца в ванной.

— И чего ты хочешь добиться? — ворчу я и снова отворачиваюсь к окну — наблюдать за снежинками и жалеть их.

Интересно, если бы снежинки умели думать, они выбрали бы себе такую жизнь — прыгать вниз с несусветной высоты и быть счастливыми всего несколько минут?

Я бы точно предпочла остаться в туче. Я ленивая настолько, что если меня бросить в болото с крокодилами, я не сразу начну выбираться — посплю пару часиков, если крокодилы будут не против.

А Туська — энерджайзер. Мне кажется, если выключат свет, то можно любой элек-

тропприбор подсоединить к Туське — он зарядится на неделю вперед.

Даже не поворачиваясь к ней, я вижу, как загорелись ее глаза.

— Я хочу придумать такой запах, понимаешь, особенный! Чтобы он нравился всем людям. И чтобы он воздействовал на них определенным образом.

— Парфюмер у Зюскинда тоже хотел, — зеваю я, — как его звали? Гренуй? Он тоже все ходил, особенный запах изобретал. И чем все закончилось? По-моему, его съели, когда он этим запахом намазался.

— Это был запах абсолютной красоты, который притягивал, вызывал любовь к тому, кто им намажется. А я хочу придумать такой, чтобы в человеке, который его на себя нанес, открылось все самое лучшее! Все способности, все эмоции! Чтобы он не боялся показать себя с лучшей стороны.

— Представляю, сколько мне придется проспать, если ты активизируешь этим запахом мою лучшую способность, — пробормотала я, снова зевая.

От моего теплого дыхания на окне образуется кружок. Я рисую на нем сердечко. И только я прикладываю к его центру па-

лец, чтобы закрасить серединку, с внешней стороны вдруг прилепляется снежинка. Она огромная, слепленная из нескольких. Я отдергиваю палец, а она, задержавшись на пару секунд, отрывается и улетает прочь, подталкиваемая порывом ветра.

«А если это здорово? — мелькает вдруг в моей голове. — Лететь на всех парусах, дышать полной грудью, видеть весь мир — пусть даже и несколько минут».

Но тут же одергиваю себя — глупости! Гораздо приятнее лежать на животе на подоконнике в теплой квартире и болтать ногами в белых шерстяных носках и предвкушать чаепитие. Туська обязательно заварит горячий индийский чай с корицей, гвоздикой, кардамоном и молоком, как только закончит свои смешные опыты с аромамаслами...

Подушку бы еще...

Я, не поворачиваясь, протягиваю руку, надеясь дотянуться до дивана и стащить одну из подушек-думочек, сшитых моей мамой из мягкого коричневого плюша.

Вдруг кто-то кричит:

— Ага! Свистать всех наверх!

И раздается жуткий свист. От неожиданности я чуть не падаю на пол.

— Туська! — сержусь я, все же повернувшись к подруге. — Ну сколько тебя просить: не меняй ты рингтон без предупреждения!

Но она не слышит, она уже болтает с кем-то по сотовому.

— Да? Когда? Сегодня? Сейчас? Ну... Мария! Нас с тобой зовут...

Я делаю огромные глаза и изо всех сил качаю головой. Нет! Никуда я не пойду! Они что, с ума сошли?! Снегопад на дворе!

— А сколько там у вас народу? — спрашивает Туська. — Двадцать человек?

Я качаю головой так яростно, что она, кажется, сейчас оторвется.

Туська бросает взгляд на стол, заставленный колбами, пробирками, штативами и армадой маленьких, плотно закрученных баночек из темного стекла — ароматическими маслами.

— Придем, — обещает она, и я, со стоном схватив подушку-думочку, швыряю ее в Туську.

В ноги, конечно. Не хватало еще в гостинной грохнуть двадцать банок с аромасламами! Меня родители из дома выгонят на мороз.